

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.07

Правильная ссылка на статью:

Садохин А. П., Ткаченко М. Р. Биография в контексте формирования идентичности (на примере этнической группы коми-ижемцев) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 78—89. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.07.

For citation:

Sadokhin A. P., Tkachenko M. R. Biography in the context of identity formation (the case of the Izhma Komi ethnic group). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 78—89. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.07.

А. П. Садохин, М. Р. Ткаченко БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КОМИ-ИЖЕМЦЕВ)

БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КОМИ-ИЖЕМЦЕВ)

BIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF IDENTITY FORMATION (THE CASE OF THE IZHMA KOMI ETHNIC GROUP)

САДОХИН Александр Петрович — доктор культурологии, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия.
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601

A. P. SADOKHIN¹— Dr. Sci (Culturology), Professor
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601

ТКАЧЕНКО Мария Рейсовна — ассистент кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. П. А. Сорокина, Сыктывкар, Россия.
E-MAIL: maria-vorkuta@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3212-5986

M. R. TKACHENKO²— Teaching Assistant
E-MAIL: maria-vorkuta@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3212-5986

Аннотация. Определяется значение биографического фактора в формировании этнической идентичности. Объектом исследования является этническая группа коми-ижемцев. Биографии

Abstract. The paper examines the role that biography plays in the ethnic identity formation. The study is concerned with the Izhma Komi ethnic group. The author analyzes respondents' biographies in the

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Syktyvkar State University (SyktSU), Syktyvkar, Russia

респондентов исследуются в контексте институционализации данной этносоциальной группы. В биографии респондентов включаются различного рода практики, которые при их осмыслении служат материалом для последующей практики социальных размежеваний. Так, в ходе интервью респондентами выявлялись следующие типы размежеваний: город — деревня, север — юг, местные — пришлые. В качестве вывода указывается, что в конечном счете эти размежевания, в особенности последнее, формировали так называемую ижемскую идентичность в современных условиях.

Ключевые слова: биографический метод, этническая идентичность, институционализация, социальные размежевания, мы-группа, коми-ижемцы

context of the institutionalization of this ethno-social group. Various practices that provide the formative basis for the further social cleavage were found in the biographies. The following types of cleavage were revealed during the interviews with respondents: city-village, North–South, and local–stranger. The author concludes that in the long run these cleavages, especially the local-stranger cleavage, were crucial to forming the modern Izhma Komi identity.

Keywords: biographical method, ethnic identity, institutionalization, social cleavages, we group, the Izhma Komi ethnic group

Биографический метод как один из методов качественных исследований впервые был использован Чикагской социологической школой для изучения жизненных траекторий представителей этнической группы поляков и продемонстрирован в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki, 1927]; он обладает несомненными достоинствами для изучения социальных институтов. О роли биографии в формировании социальных институтов написано в работе «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995]. Как отмечают авторы, наличие определённой практики, имеющей значение и признание в рамках конкретного сообщества, уже является необходимым условием институционализации. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая типизация есть институт» [Бергер, Лукман, 1995: 92].

Вместе с тем, в обществе существует множество практик, которые не связаны друг с другом некой логикой или причинно-следственными связями. Институты возникают в многочисленных обществах, поэтому процесс «хабитуализации» может касаться не только двух индивидов, но трёх и более, а именно, трёх и более практик, трёх и более социумов. Так, например, единая практика связывает А и В, и, в свою очередь, существует практика, связывающая В и С. Для А практика В и С не дана непосредственно, но поскольку индивиды А и С находятся в едином социуме, признание данной практики обязательно, поскольку она должна быть легитимирована. Следовательно, в форме непосредственной типизации практи-

ка В и С для А закрыта. Кроме того, она не связана со знакомой ему практикой ни логической, ни причинно-следственной связью. С другой стороны, А знаком с Б и связан с ним общей практикой, так что практика В и С легитимируется через это знакомство. В глобальной перспективе так может быть легитимирована любая практика, о чем свидетельствует принцип шести рукопожатий. Однако человеческая жизнь ограничена, и поэтому на своем жизненном пути человек встречает ограниченное количество практик, которые им переживаются, типизируются и легитимируются в биографии. Таким образом, именно биография составляет основу институционализации. «По ходу размышлений о сменяющих друг друга моментах своего опыта индивид пытается поместить присущие им значения в непротиворечивую биографическую систему отсчета. Эта тенденция возрастает помимо того, как индивид начинает разделять с другими людьми свои значения, интегрируя их в своей биографии» [Бергер, Лукман, 1995: 107].

Можно сказать, что практики, воспроизводящиеся в биографиях, кристаллизуются (седиментируются), и так формируется некий общий опыт, уже изначально рационализированный в биографиях, а через них — горизонтальные связи внутри социальной группы. В работе «Социология: Биографический подход» П. Л. Бергер и Б. Бергер пишут: «Наша биография — это в значительной степени история нашего опыта общества... когда мы перестаем размышлять о нашей сегодняшней текущей биографии, большинство наших воспоминаний обращается на других людей — индивидов ли или групп, или тех, с кем мы сталкиваемся в институтах. Наши биографии социальны... наше знание общества приобретает биографически: мы вырастаем в устойчиво распространенный круг социальных и институциональных отношений. Если мы представим себе общий институциональный порядок в виде карты, то можем рассматривать нашу биографию как траекторию, вычерченную на ней. Одна и та же биография может быть разделена на серию специфических карьер внутри того или иного институционального сектора» [Бергер, Бергер, 2004: 309].

Опыт, описываемый представителями символического интеракционизма, может включать в себя практики, которые неприемлемы для представителя данной социальной группы. Эта исследовательская методология исходила из того, что взаимодействие между людьми представляет собой диалог, в процессе которого люди, осмысливая такие социальные символы, как жесты и язык, наблюдают друг друга, оценивают намерения и реагируют на них [Mead, 1934]. Согласно этому учению, человеческое «я» имеет двойственную структуру: с одной стороны, это субъективное ощущение человеком самого себя, а с другой — обобщенные представления других о человеке. По мере социализации и становления личность принимает на себя те роли, выполнения которых от него ожидает социальное окружение.

Понятие обобщенного другого, которое представляет собой проявление отношения окружения к действиям индивида, является своеобразным путем человека к самому себе, формирует его самость. Несмотря на то, что в обществе индивид взаимодействует с множеством обобщенных других, существует определенная референтная группа, оценка которой наиболее важна для человека — это так называемый значимый другой. Однако часто обобщенный другой и значимый другой противоречат друг другу, поэтому индивид встает перед выбором, принимая

одни ценности и отвергая другие, таким образом идентифицируя себя с той или иной социальной группой.

Зигмунд Бауман разделяет позиции символического интеракционизма, указывая на то, что личность разделена на две части — «I» и «Me». В своем научном анализе он использует категории Дж. Мида: «I» — это внутренний стержень личности, с позиций которого рассматриваются, оцениваются, накапливаются и окончательно оформляются внешние социальные требования и ожидания. «Me» привносится извне, из общества, его окружающего, в виде требований и образцов поведения» [Бауман, 1996]. Врожденная потребность в безопасности побуждает индивида стать частью какой-либо группы. Особенно важна в этом процессе мы-группа — образование, характеризующееся близкими отношениями, привязанностью, безопасностью, единомыслием. Мы-группы бывают различных уровней: от малой мы-группы (семья, компания друзей, коллеги — это так называемые «группы личного контакта») до огромных общностей, членство в которых возможно только на умоглядном уровне — «групп членства» (субкультуры, этнические группы, нации).

Идентичность мы-группы весьма функциональна: она предписывает своим носителям желания, способы поведения и действия, помогает в определении ситуаций и формирует ожидания в отношении поведения других участников взаимодействия, предоставляя некоторое пространство выбора. С другой стороны, данная свобода выбора детерминирована границами мы-группы.

В социальной реальности существуют также общности и группы, с которыми индивид себя не отождествляет. Это «они-группы», к которым «я не могу или не хочу принадлежать» [Бауман, 1996]. Само существование группы «они» генерирует, стимулирует, усиливает идентичность по отношению к общности «мы».

В процессе институционализации, если вновь обратиться к работе Т. Бергера и П. Лукмана, большинство практик легитимизируются и включаются в так называемый символический универсум. Эта четвертая стадия легитимизации является уже уделом профессионалов. Можно сказать, что с позиции интеграционной эффективности наиболее действенна идеология национализма (гражданского или этнического), формирующая воображаемые сообщества. Как в свое время отметил Б. Андерсон, существенную роль в этом процессе играют паломничества бюрократов, создающих единое культурное и географическое пространство. Успех или неуспех формирования такого большого сообщества, как нация, целиком зависит от наличия соответствующего образовательного центра. При этом одна из социальных групп распространяет присущие ей практики на все общество в целом. Так, образовательный институт проецирует на все общество язык данной группы как литературный язык, историю нации — как общую историю всех ее культурных групп и регионов. В этом случае в едином национальном пространстве создается своего рода иерархия идентичностей, связанная с тем, что социальные, этнические группы не имеют такого же доступа к инструментам легитимации, как титульные группы.

Этот латентный конфликт Б. Андерсон продемонстрировал на примере французского протектората Индокитай. Он доказал, что это был неудачный опыт создания нации, обусловленный культурным и социальным лидерством вьетнамцев, их до-

минированием в среде чиновничества и блокированием ими социальных лифтов для кхмеров и лаосцев. Как следствие, не сформировалась полиэтничная элита и не сложилось общее индокитайское самосознание [Андерсон, 2001: 146—150].

Опыт, отражаемый в индивидуальной биографии, является как бы началом процесса институционализации и, соответственно, формирования идентичности. С одной стороны, в сложившейся культуре, определяемой наличием целой системы образовательных и бюрократических институтов, биографии становятся типичными, то есть здесь опыт как бы предопределен заранее хабиитуализированными сценариями жизненного пути. В советском прошлом это были школа, армия, вуз, распределение или вербовка (то есть то, что было связано со сменой места жительства) и прочее. С другой же стороны, в биографиях сохраняется специфический опыт, который при логике больших цифр нивелируется в такой категории, как «культурное многообразие».

Кризис советской идентичности как «новой исторической общности советский народ», приводит к актуализации уже имеющихся идентичностей, поддерживаемых в культурном пространстве национальных республик, с одной стороны, и к формированию новых идентичностей в рамках уже существующих, легитимных идентичностей — с другой. В Республике Коми к таким идентичностям относятся коми-ижемцы (самоназвание «изъватас»), этническая группа, проживающая на севере региона и отличающаяся от титульного этноса коми-зырян собственным диалектом, хозяйственным укладом и традициями, легитимирующими сложившиеся хозяйственные и коммуникативные практики.

До переписи 2002 г. этноним *ижемцы* учитывался в официальной статистике лишь один раз — в ходе переписи населения 1926 г. Вплоть до переписи 1989 г. включительно коми-ижемцы не выделялись вовсе, поскольку этноним ижемцы приравнивался к этнониму коми. Согласно переписи населения 2002 г., в России насчитывалось 15607 коми-ижемцев: из них в Республике Коми проживали 12689 чел., в Мурманской области — 1128 чел., в Ямало-Ненецком автономном округе — 1002 чел., в Ханты-Мансийском автономном округе — 740 чел. [Шабаев, Дронова, Шарапов, 2010].

На современной территории Ижемского района более 80 % населения составляют коми-ижемцы, что способствует сохранению их традиционного образа жизни, культуры и особого мироощущения, которым обладают люди, живущие в тесной взаимосвязи с природой. Коми-ижемцы, в отличие от остальных коми, занимаются кочевым оленеводством, сделав его товарным не только за счет продажи мяса, но и за счет производства замши из оленьих шкур. Ижемская этническая группа («изъватас») начала складываться во второй половине XVI столетия. В ее формировании приняли участие вымские и удорские коми, северные русские, а также ненцы. К концу XVIII—XIX вв. ижемские коми выработали свою языковую и культурно-бытовую специфику, которая отличает их от остальных коми.

После 1921 г., когда была создана Автономная Область Коми, запущен процесс культурной унификации коми. Был разработан и принят новый алфавит, создан литературный язык и началось его нормирование, появилась национальная школа. Так как литературный язык базировался на присыктивкарском диалекте, уже на начальном этапе национально-культурного строительства в Коми имели

место определенные сложности. Особенно сильное недовольство методами культурного строительства проявилось на Ижме.

Важным последствием политики национально-государственного строительства при большевиках стало значительное увеличение контактов между жителями Печоры и Вычегды и изменение характера этих контактов. Начиная со второй половины 1920-х гг. и вплоть до 1950-х гг., когда политика коренизации была предана забвению, регион Печоры испытал наплыв приезжих из южной части Республики Коми, приехавших работать администраторами, учителями, инженерами и образовавшими существенную и влиятельную часть новой местной интеллигенции. Эти люди называли себя коми и были уверены, что они принадлежат к той же этнической группе, что и местное население. Местные жители, также называвшие себя коми, разделяли это мнение. Однако новая интеллигенция говорила на немного другом языке по сравнению с местным населением.

Приезжая интеллигенция считала своим долгом помочь местным сородичам, научив их разговаривать по-коми «правильно». Более того, поскольку приезжавшие на Печору с юга «местные кадры», особенно начиная с 1930-х гг., получали образование в духе марксистской традиции, они не могли не увидеть, что не только язык, но и культура их печорских сородичей была отсталой: многие из них были кочевниками-оленоводами и, значит, как учила марксистская теория, находились на более низкой ступени развития производительных сил по сравнению с земледельцами юга области. Приезжим было очевидно, что во всем регионе нет ни одного рабочего-пролетария, который может достойно представлять интересы местного населения в уездном комитете партии, что идеологически местные кадры слабо подготовлены в силу своей «отсталости».

Разумеется, подобное отношение совсем не нравилось печорским коми и вызывало у них зачастую очень резкую реакцию. Так, в 1920-е гг. они сопротивлялись введению школьного обучения на языке коми и даже сжигали учебники, написанные на «официальном» его варианте. Вместо этого они требовали ввести школьное образование на русском [Ким, Шабаев, Истомина, 2015].

Таким образом, возникла ситуация, когда, во-первых, коми с юга области масштабно столкнулись с «другими» коми и попытались сформировать некий обобщенный образ этих «других», а во-вторых, северные коми сами в результате этого столкновения «увидели» с помощью приезжих, выступивших в роли «культурного зеркала», свою непохожесть, свои отличия от «настоящих» коми.

Однако наиболее важным следствием всей ситуации стало появление у северных коми отдельной идентичности. Начиная примерно с 1930-х гг., печорские коми стали противопоставлять себя выходцам из вычегодского бассейна, которых они теперь называли зырянами. Это противопоставление нас (коми) им (зырянам) до сих пор составляет существенную часть идентичности печорских коми [Ким, Шабаев, Истомина, 2015].

Тем не менее ко второй половине XX в. процесс консолидации коми был в целом завершен и общенациональное самосознание стало однозначно доминировать над локальным сознанием, а прежние локальные этнонимы потеряли свою актуальность и в основном были забыты [Шабаев, 2008: 14]. Однако ижемцы оказались наименее интегрированы в общее культурное пространство коми, чему

способствовали периферийное положение группы и культивируемая в массовом сознании историческая память, сохранению которой способствовала групповая солидарность.

В постперестроечный период этническая группа коми-ижемцев начинает активно институционализироваться. Это связано с осознанием своих экономических интересов, культурного и языкового отличия. В рамках этого процесса возрождаются традиционные праздники (праздник Луд), в Сыктывкаре представительство «Изьватас» располагается в здании, архитектурно воспроизводящем традиционное жилье коми-ижемцев («Ижемская изба») и пр.

Как отмечают исследователи, «на фоне других региональных отделений и организаций движение коми «Изьватас» не выделялось ни особой активностью, ни позицией. Но после того как в Ижемском районе возникло довольно активное движение «зеленых», которое выступало за сохранение родовых угодий ижемцев и против экспансии нефтяных компаний в районе, и после того, как активисты экологического движения вошли в состав «Изьватас», его влияние существенно возросло, а само движение четко осознало приоритеты своей деятельности, которые не всегда согласовывались с политической линией общекومی движения» [Теребихин, Шабаев, 2012].

Вместе с тем, каким бы удачным ни было воспроизведение традиционных практик, они должны актуализироваться в массовом сознании коми-ижемцев, в противном случае они будут не более чем декоративным орнаментом «этнического многообразия» региона. Обращение к своей истории и традициям должно стать формой современного самосознания, встраивающей современный опыт в форму традиционной культуры. По этой причине возникает необходимость возвращения к первичной форме институционализации, а именно биографии — с тем чтобы зафиксировать это переосмысление опыта в контексте идентичности «коми-ижемец». Таким образом, в исследовании данной идентичности авторами использовалось интервью — метод качественного исследования, выявляющий значимые в данном контексте элементы биографии и жизненного сценария.

Интервью длительностью от сорока минут до полутора часов проводились зимой 2011 г. в Ижемском районе Республики Коми в двух населенных пунктах — село Ижма и деревня Гам. Отбор информантов производился методом снежного кома, то есть каждый предыдущий респондент рекомендовал последующего, что было обусловлено пространственными и временными ограничениями исследования. В итоге в списке информантов оказались 42 человека. Структура выборочной совокупности сложилась из представителей разных возрастных когорт: 20—25 лет, 26—30 лет, 31—35 лет, 36—40 лет, 41—45 лет, 46—50 лет, 51—55 лет, 56—60 лет, 61—65 лет, 66 лет и старше. Соотношение 22 женщины и 20 мужчин соответствует соотношению мужчин и женщин в данном районе.

Анализ показал, что в своих биографиях респонденты склонны опираться на «стандартные» события своей жизни: раннее детство, образ родителей, учеба в вузе, в среднем специальном учебном заведении, служба в армии, женитьба. Фактически мы здесь встречаемся с так называемыми паломничествами (термин Б. Андерсона), которые обеспечивают формирование гражданской и региональной идентичности. Подобные жизненные траектории характерны практически для

всех районов Коми и большинства регионов России. Вместе с тем, в биографиях респондентов старшего поколения помимо событий, формирующих указанные виды идентичности, присутствует и рефлексия, связанная с, одной стороны, с переосмыслением своего «советского» опыта, и на этом фоне переживание специфичности своей этнической группы — с другой.

Если вновь обратиться к классификации З. Баумана, можно говорить о формировании образов мы-группы и они-группы. При этом нельзя сказать, что коми-ижемская идентичность существует как бы изначально и сохраняется в течение всего биографического повествования. Если можно так сказать, она формируется через включение иных практик по схеме П. Бергера и Т. Лукмана и их осмысление. В биографиях респондентов этот процесс представлен через ряд размежеваний.

В отечественной социологической литературе термин «размежевание» появился как перевод с английского термина *cleavage*, использованного впервые в публикации работы С. Липсета и С. Роккана «Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей» [Липсет, Роккан, 2004]. Термин *размежевание* оказался более подходящим для данного исследования, нежели «раскол», который также может быть переводом *cleavage* и также встречается в литературе [Абрамов, 2013: 190]. Применяемый в социологии термин *размежевание* не несет того смысла, который скрывается за понятием *раскол*, связанным с конфронтацией социальных групп. Понятие *размежевание* означает целый спектр отношений, варьирующихся от определенных форм солидарности с иными социальными группами до готовности к конфронтации.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие типы размежеваний, имеющие различную степень интенсивности: город — деревня, север — юг, коми — русские, пришлые — местные.

Так, одно из важнейших размежеваний для коми-ижемцев — между городом и деревней, поскольку они в основном являются сельскими жителями. В биографиях респондентов проживание в городе, а это, как правило, республиканский центр, является важной вехой на жизненном пути, при этом сохраняется некая отстраненность от опыта городской жизни.

«Оторвались от родителей, общагская жизнь, новые знакомые, собралась компания с одного факультета, все в общежитии жили. Люди все деревенские там были, городские они сами были по себе» (мужчина 47 лет).

«Когда я поступила в университет, то сразу заметила, как городские отличаются от тех, кто приехал учиться из села. Они были уверенные в себе, в завтрашнем дне, их жизнь уже была распланирована, они знали, как будут жить завтра, послезавтра, через год. А мы такие скромные, не знали, куда шагу ступить...» (женщина, 34 года).

В некоторых случаях осмысление опыта город — деревня доходило до высокой степени абстракции и противопоставления.

«В городе люди злые стали, даже в магазине обслужить не могут вежливо... Деньги совсем испортили...» (женщина, 61 год).

Размежевание север — юг связано с противопоставлением своей культурной группы титульному этническому сообществу как таковому. Некоторые респонденты отмечают, что знакомство с языком коми-зырян состоялось в школе как с литературным коми языком.

«А дисциплины вообще ведутся на русском языке, есть отдельная дисциплина коми язык. И еще один коми язык как иностранный идет дополнительно, потому что так называемый коми литературный язык припечорский, сыктывкарский диалект и ижемский очень сильно отличаются. Это совершенно два разных языка. Детям дается с трудом. Но это не плохо, потому что к десятому классу дети понимают литературный язык, могут общаться с южными коми, а то южные коми нас не понимают, много раз переспрашивают» (мужчина 47 лет).

В биографиях респондентов присутствует также и опыт солидарности с титульной группой.

«В училище мы потом общались все вместе, дружная группа у нас была. Как раз нас в одной группе собрали из сел, коми-ребят, мы жили дружно. Не обращали внимания особо кто коми, кто русский, научились друг друга понимать» (мужчина, 48 лет).

В рамках осмысления своего опыта формируется более высокий уровень абстракции. На этом уровне и создается представление о специфике коми-ижемской идентичности, которая, в конечном счете, завершается противопоставлением.

«Все же наш народ привык жить лучше, мы более такие, как сказать, хваткие что ли. Когда без работы оставались, то кто чем мог, тем и зарабатывал, свое дело открывали» (мужчина, 41 год).

«Я всегда всем говорила и говорю, что ижемка, потому что не понимаю, как это, сегодня ты один, а завтра другой. С коми такое, конечно, часто происходит, мама — коми, папа — коми, а он русским себя называет. Я не против этого, но это не для меня? и мне все равно кто там и что про меня думает...» (женщина, 45 лет).

Размежевание коми — русский в биографиях респондентов не связано с противопоставлением. Многие респонденты приветствуют смешанные браки:

«Я с ней разговариваю по-русски, потому что ей легче. Все-таки это ее родной язык. Но мне труднее. Она приехала сюда, она учитель начальных классов, поэтому она три года работала пионервожатой, но потом стала общаться с детьми на ижемском, и сейчас общается она на ижемском. С нашими детьми жена начала говорить по-русски и по-ижемски одновременно. И у нас в семье это просто — переходить с русского на ижемский. Никаких конфликтов из-за этого у нас нет... Разбавлять кровь необходимо. Вот у нас в Ижемском районе в седьмом поколении все родственники, поэтому надо разбавлять обязательно. Я к этому положительно отношусь» (мужчина 47 лет).

Скорее всего, на более высоком уровне абстрагирования размежевание коми — русский претерпевает качественное изменение, превращаясь в размежевание местные — пришлые. Дело в том, что в своих биографиях респонденты не ссылаются на опыт общения с данной социальной группой, поскольку опыта личного общения у них нет, да и не может быть, поскольку данное понятие является абстракцией. Но именно здесь размежевание достигает максимальной степени напряженности.

Информанты подчеркивают потребительское отношение к республике со стороны приезжих, называя их временщиками, которые «...поработали в свое время, денег заработали, кто успел — уехали, кто нет — остались как заложники здесь» (мужчина, 42 года).

Кроме этого в рассказах информантов часто фигурирует такой негативный момент, связанный с освоением Республики Коми, как система принудительного заселения территории.

«Вы сами представьте, если их сюда в Печору, Воркуту, Инту семьями привозили без всего, оторвав от дома, они лишились всего, их кинули здесь на холод, на голод, тяжелую работу. Выживай, как хочешь... Конечно, они никогда не будут любить особо республику. Хотя знаю, что некоторые из них прикипели, кто-то остался, потому что некуда уже было вернуться. Я их не осуждаю, я их могу понять. Жизнь к ним была не совсем справедлива...» (женщина, 50 лет).

«Коми была раньше сплошная зона... и я думаю, это плохо сказалось. Кто потом здесь оставался? Уголовники, воры, убийцы? Потому и пошла про Коми такая слава... Ну, сейчас-то, слава Богу, уже нет... Но все равно у нас получилось, что чуть ли не каждый второй был заключенным, что в том хорошего... Да ничего!» (мужчина, 39 лет).

Кроме того, респонденты, ассоциируя абстракцию «пришлые» с деятельностью нефтяных компаний, опасаются за свое будущее, поскольку видят в них угрозу традиционным хозяйственным практикам.

«Видите, здесь в районе территория разделена на части. У каждой деревни своя территория. Деревенская территория тоже разделена на части, которые негласно принадлежат семьям. Там проходят у них охотничьи тропы, это все сохраняется... Этот статус даст возможность соуправлять этими территориями. Чтобы если какие-то промышленные компании придут, договариваться давайте. Зайдете сюда, значит, нам что-то тоже. Как это. Ведите себя прилично на нашей территории. Не гадьте» (мужчина 47 лет).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что во многом опыт, переживаемый в отдельных биографиях респондентов, типизируется и представляется в виде абстракций, которые как бы завершают процесс размежеваний. Размежевания типа *город — деревня, север — юг* характеризуются определенным спектром интенсивности, которая возрастает по мере осмысления своего опыта. Размежевание *русские — коми* не носит высокой степени обобщения, но трансформируется в абстрактное размежевание *местные — пришлые*, изначально характеризующееся высокой степенью напряженности.

Можно сказать, что данный тип размежевания в современных условиях является существенным ресурсом мобилизации и консолидации этнической группы со стороны соответствующего общественного движения, данный тип консолидации востребован со стороны рядовых представителей данной социальной группы.

Список литературы (References):

Абрамов А. В. Раскол электорального поля и перспективы патриотической консолидации современного российского общества // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2013. № 5. Т. 2. С. 184—192.

Abramov A. V. (2013) Split of the electoral field and prospects for patriotic consolidation of modern Russian society. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. No. 5. V. 2. P. 184—192. (In Russ.)]

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : «КАНОН-пресс-Ц» : «Кучково поле», 2001.

Anderson B. (2001) *Imagined Communities*. Moscow: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole». (In Russ.)]

Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Аспект-Пресс, 1996.

Bauman Z. (1996) Thinking sociologically. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995.

Berger P., Luckmann T. (1995) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Academia-Tsentr; Medium. (In Russ.)

Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход. М. : Академический проект, 2004.

Berger P., Berger B. (2004) Sociology: a Biographical Approach. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)

Ким Х. Ч., Шабает Ю. П., Истомин К. В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 85—92.

Kim Kh. Ch., Shabaev Yu. P., Istomin K. V. (2015) A local group in search for identity (Izhma-Komi dynamics of cultural transformations). Sociological Studies. No. 8. P. 85—92. (In Russ.)

Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем. Сборник научных трудов ИНИОН РАН. М., 2004. С. 204—234.

Lipset S. M., Rokkan S. (2004) Political science. Socio-political cleavage and consolidation of party systems. INION RAS Proceedings. Moscow. P. 204—234. (In Russ.)

Теребихин Н. М., Шабает Ю. П. Чудь, поморы и коми-ижемцы: реидентификация или конструирование идентичностей (этногенетические технологии на европейском севере) // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 71. 2012. С. 29—56.

Terebikhin N. M., Shabaev Yu. P. (2012) Chud', Pomor and Izhma Komi peoples: reidentification or identity formation (energy technologies in the European north. Proceedings of the Institute of Komi Language, Literature and History of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 71. P. 29—56. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Дронова Т. И., Шаратов В. Э. Коми-ижемцы, поморы и устьцилемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134—151.

Shabaev Yu. P., Dronova T. I., Sharapov V. E. (2010) The Izhma Komi, Pomor, and Ust-Tsilema: Patterns of Cultural Transformations. Ethnographic Review. No. 5. P. 134—151. (In Russ.)

Шаббаев Ю. П. Этнические трансформации на европейском севере России. Сыктывкар, 2008.

Shabaev Yu.P. (2008) Ethnic transformations in the European North of Russia. Syktyvkar. (In Russ.)]

Mead G. H. (1934) Mind, self, and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago.

Thomas W., Znaniecki F. (1927) The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. Second edition. N. Y. Alfred A. Knopf.